

Нам скучно не бывает никогда

С балериной Марией АЛЕКСАНДРОВОЙ удалось встретиться в перерыве между длительными гастрольными турами. Балет Большого театра только что вернулся из Америки, впереди – следующие поездки по разным странам. На вопрос о самом сильном впечатлении Маши ответили: “То, что американские гастролы, длившиеся большие месяцы, наконец-то закончились. Очень уж большая была нагрузка. Когда закрылся занавес после последнего спектакля, зрители, как всегда, хлопали, кричали “браво!”, а мы – вся труппа за кулисами – тоже кричали – от восторга, от радости, что станцевали все тридцать два спектакля. На мою долю досталось тридцать, из них четыре “Дон Кихота”, где я танцую Китри. Принимали нас замечательно, публика была настолько доброжелательна, что мы сами не ожидали такого приема. Теперь усталость уже в прошлом, следующая работа начинается практически сразу. Предстоящие гастролы будут далеко не такие длительные, но такие же напряженные – каждый день спектакли”.

– Наверное, на осмотр достопримечательностей ни времени, ни сил уже не остается?

– Стараемся. Например, в Чикаго удалось попасть в прекрасную картинную галерею. Только в Вашингтоне я все время репетировала, готовилась к “Дон Кихоту”, и для меня этот город так и остался загадкой, ничего не удалось посмотреть. Обидно, внешне Вашингтон мне очень понравился, он не похож на Америку. А вообще Америка – своеобразная страна, там не на чем остановить взгляд, того, что можно запомнить, очень мало. Меня больше восхищает Япония – там и народ какой-то другой, более отзвучивый. Но где бы мы ни гастроллировали, нам скучно не бывает никогда. У нас очень веселая труппа, чуть что – смех.

– Сколько лет вы танцуете в Большом?

– Закончила третий сезон. Последний год был просто убийственный, не побоюсь этого слова. Времени не было ни на что. Только театр и дом, где я ночевала. Честно признаюсь, что за год я не вышла никуда, не была даже ни в одном магазине.

– Ваши успехи значительны, сразу три большие партии – Китри в “Дон Кихоте”, Екатерина в “Русском Гамлете”, Рамзея в “Дочери фараона”.

– Назначение на роль Екатерины стало для меня большим сюрпризом. Я не понимала, что происходит, почему выбрали именно меня. В начале сезона мне сказали, что надо выучить эту партию. Работали над спектаклем много, долго и интересно. Мы репетировали и с самим Борисом Эйфманом, и с ребятами из его театра – с Игорем Марковым, с Леной Кузьминой, с Аликом Галичаниным, уже станцевавшими этот балет. Меня потрясло их отношение к своему делу, колоссальная отдача. И я уже не мог-

ла подвести, старалась быть на высоте. Хотя понимаю, что до их уровня дотянуться трудно – они-то работают с Эйфманом всю жизнь, все понимают с полуслова.

– Правда ли, что некоторые артисты Большого театра отказались от участия в спектакле Эйфмана?

– От “Русского Гамлета” отказывались не потому, что хореография не нравилась. Просто артист балета не должен жить только сегодняшним днем, обязан думать о том, что у него будет дальше. У каждого своя специфика, своя природа. Если артист чувствует, что что-то ему будет во вред, что он сможет получить травму, он вправе отказаться от работы. Ведь если с танцовщиком или балериной что-то случится, они никому уже не будут нужны. В балете Эйфмана непривычная пластика. Она не ломает тело, но включает другие мышцы, к этому надо привыкать и понимать – что, где, куда.

– В этой роли вы проявили и незаурядное актерское мастерство...

– Конечно, многое подсказывали Борис Яковлевич и его артисты. Прочла я и целую гору исторической литературы. Обычно до чтения руки не доходят, по крайней мере в той степени, как хотелось бы. Но в тот период я только и делала, что танцевала и читала. У каждого историка свое видение личности императрицы, с кем-то я соглашалась, с кем-то могла бы поспорить. Необходимо было представить свою картину, свой образ. Екатерина – не абстрактная партия какого-нибудь классического балета, а конкретный исторический персонаж... Сейчас у нас в театре Екатерина я одна, другая исполнительница, Анастасия Волочкова, покинула труппу. “Русский Гамлет” будет идти не так часто, как нам бы хотелось, – балет сложный, его

нужно долго репетировать. Ближайшие спектакли – в ноябре.

– А когда вы в Москве вновь станцуете Китри?

– Не знаю. Хотелось бы, конечно, танцевать ее как можно чаще, для меня эта партия – одна из самых ответственных. “Дон Кихот” – мой первый классический балет, первая крупная роль, которую знают все. Если “Русский Гамлет” – спектакль новый, в него я могу внести что-то от себя, то “Дон Кихот”, как говорится, – балет “замоленный”. Партию Китри я готовила очень тщательно вместе со своим постоянным педагогом в театре Татьяной Николаевной Голиковой. Я стараюсь следовать традициям, но, конечно, исполняю себя, ту Машу Александрову, которая была бы в данный момент поставлена в эту ситуацию. Просто танцую по вдохновению. Но особенно волнуюсь во втором и третьем актах – в картине “Сон” и в па де де. Голубая классика, чистый танец, за одни эмоции уже не спрячешься.

– Но вы всегда танцуете очень эмоционально. Новые краски появились в партии Рамзея – мягкая женственность, легкая игривость.

– Наверное, я сама изменилась. Когда мы начали готовить этот ба-

лет, я понимала, что партия почти главная, но в ней мало что можно сделать. А я не могу просто так, то есть никак, выйти на сцену. Надо было искать интересные краски, чтобы хотя бы заметили. У Рамзея всего две вариации, настолько крошечные, что могут проскочить незаметно. А когда я увидела костюмы – очень яркие, выигранные, колоритные, поняла, что Рамзею можно станцевать необычно.

– Какую из ваших партий вы любите больше?

– Я люблю все партии и роли. Я давно заметила, что маленькие вариации танцевать сложнее, чем весь балет. В большой роли много выходов, и я могу где-то что-то наверстать. А за полторы минуты ничего наверстать невозможно, я должна выйти и сделать все, что умею.

– Маша, а если какая-нибудь злая сила вдруг отменила бы балет и танец и вам пришлось бы выбрать другую профессию...

– Не знаю, наверное, я смогла бы сориентироваться в какой-то сложной для себя ситуации, нашла бы себя в чем-то другом. Но я не желаю, чтобы такое случилось, даже думать об этом не хочу. Я бесконечно люблю свою профессию, и эта любовь дает мне силы

выдерживать сверхнагрузки.

– А как все начиналось? Как вы пришли в балет?

– Я с удовольствием занималась в ансамбле “Калинка”, туда меня отдала мама. А когда я лет в восемь или в девять посмотрела передачу про Ленинградское училище, поняла, что хочу серьезно учиться балету. Поступила в Московское училище, конкурс был огромный, но я очень хотела поступить и была уверена, что поступлю.

– Годы учебы проходили гладко?

– Я всегда понимала, что если я буду очень много работать, то ничего плохого произойти не должно. Только я должна работать больше, чем другие. Поэтому учеба шла достаточно ровно. Выпускалась у Софьи Николаевны Головкиной. Она заметила меня с самого начала. Я с детства выступала в сельских партиях, а Софья Николаевна смотрела все прогоны, делала замечания. Проблемы, конечно, были. Помню, как педагог младших классов говорил, что у меня нет шага, ноги короткие, руки короткие, шея нет. Мало что, конечно, изменилось, но ноги поднимаются – и слава Богу. Но это потому, что однажды я все лето просидела на шпагате, читая книги...

– А теперь судьба складывается по-прежнему ровно?

– Трудно, конечно, иногда бывает. Каждый человек всегда чем-то недоволен, всегда хочется большего. Но на каждый лом находится другой силы лом... Одно время мне казалось, что я немножко засиделась на месте. А на самом деле, оглядываясь назад, понимаю, что все складывается правильно. Я обязательно должна была пройти одну ступень, вторую, третью. Если бы я через них перескакивала, я бы что-то пропустила. В жизни не должно быть резких скачков. Когда человек идет, ровно ступая, он добивается большего.

– Но ваша биография началась с яркого взлета – сразу после училища была победа на Московском международном конкурсе артистов балета. Знаю, что не меньшим испытанием были для вас выпускные экзамены, и не только на профессионализм, – тогда не стало вашего отца.

– Через три дня я танцевала на сцене. Было невероятно сложно. Но я знала, что папа хотел пойти на мой выпускной спектакль... Он был по образованию историком, художником-реставратором, хотя работал госслужащим. У него были

замечательные руки, он великолепно переплетал книги. У нас дома большая библиотека книг в его переплетках, очень красивых. Помню, когда мне исполнилось двенадцать, папа подарил мне букет из одиннадцати больших роз. Это были первые цветы в моей жизни.

– У классических балетов, как правило, сказочные сюжеты. Верите ли вы в чудеса?

– Я долго верила в Деда Мороза. Но потом поняла, что чудес не бывает. Это не значит, что я пессимистка. Просто уверена, что в жизни надо многое заслужить. А для этого нужно работать. С неба, конечно, что-то падает, но редко и не всем.

– Откуда у вас такой характер?

– Наверное, врожденный, мама говорит, что я в папу.

– Менья в себе ничего не хочется?

– Хорошо бы перестать быть вспыльчивой. На работе на “вспышки” времени не хватает. Зато дома... Иногда бывает жалко своих родных. Но благодаря маме дома удается полностью расслабиться. Я очень люблю свой дом, это то гнездышко, где всегда хорошо.

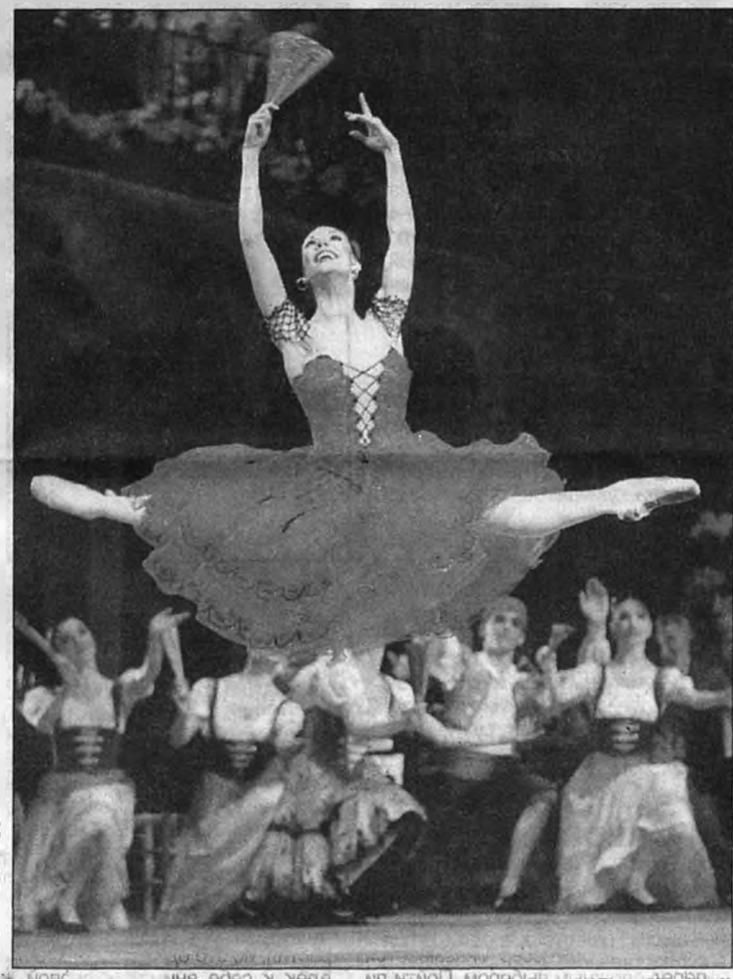

Фото М. ЛЮБИМЦЕВА

М. Александрова – Китри в балете “Дон Кихот”

– А как складываются отношения с коллегами в театре?

– Артисты – люди сложные, с амбициями, всем пришлось себя ломать еще в детстве, о многом переживать. Профессия обязывает быть с крепким характером. У нас в труппе все такие. Разумеется, все эмоциональные. Я стараюсь ничего не усложнять, обхожусь острыми углами. Явных врагов у меня нет, скрытые – может быть, но я их не знаю. Я стремлюсь относиться к людям с теплотой. Людей нашей профессии нельзя ругать, потому что слишком много в нее вкладывается и пота, и крови, и мыслей, и души. Балет – это очень больно.

– Поклонников-зрителей много?

– На днях я встречалась с поклонниками из Японии, они очень трепетно ко мне относятся. В Японии принято отдавать должное артисту после спектакля. Они и пишут, и фотографии передают, не забывают. Одна женщина из Японии даже приезжала в Америку специально на мой спектакль.

– А среди москвичей есть поклонники? Чтобы звонили, у подъезда ждали?

– Есть, конечно. Они в основном всегда в театре, мы их знаем поименно. Были случаи, когда и звонили. Вообще поклонников хватает. Это приятно. Но иной раз попадают слишком назойливые, не знаешь, как отвертеться. Но нельзя же человека обвинять за то, что ты ему нравишься.

– Западные импресарио еще не предлагали контрактов?

– Нет. Я еще ни с кем не встречалась. Но думаю, что свой театр сейчас не променяю ни на что, мне так интересно в нем. Может быть, и будет когда-нибудь подругому. Но пока я очень люблю Большую.

– О каких ролях мечтаете?

– Пока обо всех. Потому что мало что за плечами, мне только двадцать один год, и танцевать хочется все. Понимаю, что это невозможно, но так хочется. Мечтала станцевать “Легенду о любви”, партия Мехменэ Бану у меня была готова, я показывала ее Александру Юрьевичу Богатыреву. Но вскоре спектакль сняли с репертуара. Недавно я узнала, что в мастерских восстанавливают костюмы, так что надеюсь, что спектакль вернется на сцену.

– Есть ли мечты, не связанные с работой?

– Я очень хочу, чтобы у меня были дети, чтобы был дом, муж. Ребенок должен быть обязательно. Что же я останусь в старости одна? И маму жалко – у нее должны быть внуки.

Беседу вела
Елена ГУБАЙДУЛЛИНА